

БИБЛИОТЕКА ПРОЕКТА **БОРИСА АКУНИНА**

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА
«ЖАНРЫ»

представляет

**БИБЛИОТЕКА
ПРОЕКТА БОРИСА АКУНИНА
«ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО
ГОСУДАРСТВА»**

ВАЛЕНТИН ИВАНОВ
Русь Изначальная

ПАВЕЛ ЗАГРЕБЕЛЬНЫЙ
Евпраксия

АНТОНИН ЛАДИНСКИЙ
Голубь над Понтом

ВЕРА ПАНОВА
Сказание об Ольге

БИБЛИОТЕКА ПРОЕКТА **БОРИСА АКУНИНА**

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

ВЕРА
ПАНОВА

СКАЗАНИЕ
ОБ ОЛЬГЕ

АСТ
Москва

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П16

Дизайн серии — *Андрей Фerez*
Оформление переплета — *Яна Половцева*

Панова, Вера Федоровна.

П16 Сказание об Ольге. [Сказание о Феодосии. Феодорец Белый Клобучок. Кто умирает] : повести / Вера Панова. — Москва : АСТ, 2015. — 256 с. — (Библиотека проекта Бориса Акунина «История Российского государства»).

ISBN 978-5-17-085715-9

Библиотека проекта «История Российского государства» — это рекомендованные Борисом Акуниным лучшие памятники мировой литературы, в которых отражена биография нашей страны, от самых ее истоков.

Время, воссозданное в исторических повестях Веры Пановой, — Русь Киевская, Владимиро-Суздальская и Московская. Киевская княгиня Ольга и игумен Киево-Печерского монастыря Феодосий были канонизированы церковью и причислены к лику святых. Повесть «Кто умирает», рассказывающая о последних днях московского самодержца Василия III, отца Ивана Грозного, по праву поставлена в ряд с лучшими образцами исторической прозы. За потемневшими от времени иконописными ликами Панова разглядела живые лица человеческие с их глубокими переживаниями и духовными порывами. По признанию К. Симонова, повести Веры Пановой — «это настоящая история, во всем жесточайшем сплетении ее противоречий, столкновений, судеб, взглядов, страстей».

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-085715-9

© В. Akunin, 2015
© В. Панова, наследники, 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2015

A decorative flourish consisting of several overlapping, flowing lines in black and grey, framing the text. The lines are elegant and calligraphic, with some forming loops and others sweeping across the bottom.

СКАЗАНИЕ ОБ ОЛЬГЕ

МОЛОДОСТЬ. ЗАМУЖЕСТВО

Был перевоз на реке Великой у Выбутской веси, близ города Пскова.

Много лодок, и при лодках гребцы, дюжие мужики на жалованье, и жалованье хорошее.

Над гребцами начальник, поставленный князьями.

У начальника дочка была, небольшая девочка Ольга.

Летом и осенью она жила с родителями при перевозе, на берегу. Когда становилась Великая, семья перебиралась во Псков, в зимний дом.

Из зимнего дома начальник выходил только на кулачках побиться, а то отдыхал на печи; либо спал, либо так сидел, свесив ноги. А Ольгу мать одевала тепло и выпускала на улицу играть с детьми.

Вот идет Ольга по снежной улице меж высокими тынами и дымящимися кучками конского навоза, укутанная в платок. Вот она втаскивает салазки на горку, чтобы скатиться вниз. На ней тулупчик, изпод тулупчика суконное сборчатое платье, обшитое зеленой и красной тесьмой. Она идет, и задки ее валенок скидывают подол. Задки эти похожи на пятки медвежонка.

Было лето.

К перевозу подъехали всадники: в кольчугах, шлемах, щит у левого плеча. На одном коне сбруя с серебряными бляхами и лунницами. Другие кони везли за ними кладь.

Начальник вышел, утирая усы: он как раз сидел за обедом. Гребцы, так же утираясь, побежали к лодкам. Застучали подковы по бревенчатому настилу, всадники стали спускаться к Великой. Ольга стояла возле отца, она перебросила косу на грудь и играла лентами.

Тот, чей конь ходил в серебре, остановился и спросил у отца:

— Дочь твоя?

И похвалил:

— Хорошая девочка. Не отдавай ее никому здесь у вас.

— Рано ей, — сказал отец. — Там видно будет.

— Не отдавай, — еще раз сказал всадник и проехал.

Он носил свой шлем низко, до бровей. Суровые брови нависали над глазами. Борода разметалась по кольчуге могучим венником. Мимо Ольгиных глаз проплыл сапог, вдетый в стремя. Проплыл конский тяжелый бок.

Ольга смотрела, как снимали с коней выюки и как осторожно привычные умные кони вступали в лодки, и лодки отчаливали одна за другой. Бороды и конские гривы развевались на резвом ветру.

Подросла, и подошло ей время идти замуж.

Весть об этом послали в Киев.

Из Киева сваты приехали не мешкая.

Они привезли ее отцу подарки, и ей тоже — уборы, жемчуг, и повезли ее в жены князю Игорю.

И уборам, и замужеству она была рада.

Важно закинув голову и плечи, на громких каблучках сошла по настилу, за ней родня: дядья и тетки с детьми, двоюродные, троюродные.

И поплыли реками, и поскакали сушей.

Земляные города стояли у рек.

Тянули невод рыбаки. Прачки на плотках били белье вальками.

Птицы проносились серыми и белыми тучами.

И ночью плыли, и, как в колыбели, был сладок сон под холщовым пологом, в одеялах, пахнущих зверем.

Новый день разгорался за лесом по левую руку. Ольга открывала глаза, из тумана улыбались румяные лица девочек-родичек, ехавших с нею. Опускали пальчики в струи за бортом, умывали личики, освежали горлышки.

Из тумана на берегу выступал лось, темнея крутой грудью и пышными рогами.

Доносились голоса витязей с других лодок, впереди и сзади. Леса перебрасывались голосами с берега на берег.

Эти витязи, сказали Ольге, — ее дружина.

И старый Гуда, приехавший за нею, будет ей служить.

У нее будут свои села, и стада, и много челяди.

Когда надо было выходить из лодок и ехать верхом, старый Гуда брал ее на своего коня. И по обе стороны ехала дружина в кольчугах и шлемах, щит у плеча.

* * *

Поначалу обмерла, когда Игорь предстал перед ней, ростом в сажень, на лице все большое, мужское: нос, рот, щеки, складки вдоль щек. Желтые волосы стекали на грудь и плечи. Руки белые были, длиннопалые. Он к ней потянулся этими руками, она вскочила, распласталась по стене, каждая жилка в ней боялась и билась.

А он смеялся и манил ее длинными руками, и она, хоть и дрожала все сильней, тоже стала смеяться и пошла к нему в руки.

Они жили в просторных хоромах. У них были сени на расписных столбах и башня, с которой видать далеко. Комнаты убраны коврами и вышивками, парчовыми подушками и дорогой посудой. Сколько строений стояло кругом двора, сколько горшков сушилось на частокоче! Баню для Ольги срубили новую, из дубовых бревен, топилась по-белому, как белый шелк были новенькие липовые лавки.

Еще за городом было у них имение. Там они держали большую часть своего скота. Кобылицы там паслись и коровы, в воловнях откармливались волю, в загородках во множестве ходили куры, гуси, утки. Сотни стогов стояли на гумне, стога от нынешнего урожая и от прежних. В строениях возле кузни сложено железо и медь.

Самое же ценное хранилось в городе. Ольга могла, когда б ни вздумала, спросить ключи, проверить, всё ли на месте. Но в проверке не было нужды, старый Гуда лучше берег ее добро, чем сама бы она уберегла, ключники перед ним трепетали.

Он служил еще Рюрику, отцу Игоря. Гуда сам мог быть конунгом и держать дружину. Да только в первой же схватке с новгородцами какой-то богатырь перебил ему палицей половину костей. И хотя они срослись, но сражаться Гуда уже не мог, и Рюрик взял его к себе в дом. Как свидетельство былой своей мощи и былых надежд Гуда хранил огромный меч в ржавых ножнах, у меча было имя, как у человека: Альвад.

Таких вольных слуг в доме не много было: все рабы. Те из военной добычи, те купленные за большую цену — всякие искусники: кто платье хорошо умел шить, лекарства составлять; гуслиеры, золотых дел мастера.

Вставали Ольга с Игорем, когда развиднялось. Убравшись как подобает, садились за стол с дружиной. После завтрака Игорь шел смотреть хозяйство и разбирать свары, а Ольга качалась с девушками на качелях и щелкала орешки. Перед полуднем обедали, потом спали. Потом ужинали у себя либо пировали в гостях — у кого-нибудь из бояр, у самого господина Олега. Тут уж надо было надевать богатые наряды, ожерелья и золотые башмаки. Во время пира забавляли их певцы и скоморохи, заезжие канатоходцы и ученые медведи. Игорь возвращался с пиров себя не помня, случалось — в спальню на руках его вносили. На Ольгу при этом смех напал, заливалась, уняться не могла.

А то ездили охотиться. Ольга выучилась стрелять из лука и бить ножом, и своих завела егерей. Вот она на охоте: в мужской одежде — кафтан, островерхая шапка с наушниками. Нож в ножнах висит на груди на цепочке. Сапожки узорчатые,

и на голенища чулки опрятно вывернуты. И рад ее конь легкой своей ноше.

Так прожила лето и осень без забот. Но в грудне месяце Игорь уехал с дружиной на полюдьё. Не успел уехать, приходят к Ольге и спрашивают:

— Сколько станов прикажешь запускать?

А она и не знает, сколько у нее в доме станов.

Чтоб не ударить в грязь лицом, говорит:

— Все запускайте.

— А с какою пряжей? — не отступаются.

— Пряжу, — она сказала, — запустите самую лучшую.

И видя, что они в сомнении:

— Делайте идите, как велено.

Ушли и идут опять:

— В пивоварне варщики упились, передрались в кровь, в пиве друг дружку топили, бочки перебили; велишь ли наказать и как?

Она чуть было со смеху не покатилась. Но поверни на смех, дай поблажку — всё в щепы разнесут и за госпожу считать не будут. Сдержалась, нахмурилась как могла грозно:

— Убрать таких-сяких из пивоварни и услать скотину пасти!

И утвердилась главой своему дому.

С утра вместо игр отправлялась теперь смотреть, как прядут, как ткут, все ли заняты, нет ли баловства. Не вприпрыжку, не опрометью по лестнице, не тронув перил, — шла чинно, являя пример рабыням, и с лестницы спускалась плавно, повязанная по брови бабьим тугим платком. Впереди шел ключник, отворял перед нею двери. Связка ключей

звенела у него на поясе. Сзади шаркал перебитыми ногами бдительный Гуда.

И все было приказано и указано в срок — там ладно или нет, но указано. И каждый раб знал, что за нерадивость с него будет взыскано. И до обеда время текло незаметно. Но уже к обеду подползала тоска, а после обеда наваливалась, а к ночи хоть во-ем вой. Пусто было за столом без Игоря. Холодна постель без Игоря. И убранство ни к чему. И печи не грели.

По небогretым комнатам бездельно блуждала Ольга, скулила от тоски. Гуда о старине рассказывал — все одно и то же, надоело слушать. Служанки звали на тройке кататься, приносили в забаву котят, медвежат — гнала с досадой. Подымалась на башню, стояла под вьюгой, лицом к стороне, куда уехал милый. Нескончаемая зима, самая лютая разлука — первая разлука...

Вьюга, крутясь, заволакивает даль и близь, не разглядеть ничего — как там перед Игорем всякие сударины свою прелесть выставляют, как он по чужим домам ночует, как какую-то змею подколодную целует с чмоком в щеки и уста.

Только весной он воротился.

По полой воде пригнали они лодки с добром, собранным на полюдьё. Вся дружина вернулась, кроме двух человек только: одного зашибли в драке, другой от горячки помер где-то в середине зимы.

Пригнали они лодки с добром, и, сосчитав все и поделив, одни повезли свою часть дальше, надеясь продать ее с большей выгодой, чем в Киеве;

а другие остались на месте ждать, когда подсохнут дороги и приедут купцы.

Игорь остался, и опять они с Ольгой миловались и гуляли, и охотились, и вместе, взявшись за руки, восходили на башню-смотрильню.

Отрада глядеть с башни веселым летом с милым вдвоем.

Темной гущей залегли леса по холмам, среди них поля и луга напоены солнцем. Горстками изб пестреют села. Плавает коршун в синеве, сужает круг над селом — на цыпленка нацелился...

Могучим потоком света струится Днепр в зеленой красе, взблескивают его струи, плывут по ним лодки.

Где в Днепр впадает Почайна, находится пристань: теснота судов, людское шевеленье, навалы тюков под навесами. Ходят сборщики пошлин, пересматривают и переписывают товары. Засуча порты, шлепают к лодкам по воде продавцы съестного, предлагают приезжим блины и квас.

Если смотреть себе под ноги — видны двускатные и односкатные крыши, дворы, огороды. Плещут крыльями голуби вокруг голубятен. Женщина стелет на травке холсты. Снует и горланит народ на торгу. В гору подымается воз с дровами.

Под горой — Подол. Восточные ветры несут оттуда стук молотов и зловонье зольников. Всегда там грязь, даже когда сухо везде. По грязи проложены доски для прохода. На Подоле кожи мнут и железо варят, дымы там не сизые, а желтые и багряные.

